

М Г ФРААНЬЕ

ПРОЩАЛЬНЫЕ ПИСЬМА М. В. СУШКОВА

(О проблеме самоубийства в русской культуре
конца XVIII века)

1

В московских архивах недавно найдены материалы, касающиеся самоубийства Михаила Васильевича Сушкова (1775—1792), автора повести «Российский Вертер»,¹ в том числе письма, написанные Сушковым перед смертью. Два из них были уже известны исследователям, другие до сих пор остались незамеченными. Все эти материалы позволяют по-новому взглянуть на своеобразное явление культуры конца XVIII века под не очень точным, как кажется, названием — «бытовой вертеризм».

До сих пор было мало известно о жизни М. В. Сушкова. Сведения о нем большей частью были основаны на предисловии к повести «Российский Вертер», где указывается, в частности, что Сушков покончил с собой «точно таким же образом, как он описал конец мнимаго Вертера».² Впоследствии считалось, что повесть вполне автобиографическая, что Сушков по примеру романа Гете описал собственную жизнь, сам Сушков стал «русским Вертером».

Автор предисловия, написав, что «многие знают его несчастную историю»,³ намекает на то, что самоубийство Сушкова не прошло незамеченным в русском обществе конца XVIII в. Сушков принадлежал к знатной семье. Его дед, тоже Михаил Васильевич (1704—

¹ Российский Вертер. Полусправедливая повесть, оригинальное сочинение М. С., молодого, чувствительного человека, несчастным образом самозвольно пре-
кратившего свою жизнь СПб., 1801. Перепеч в кн. Русская сентиментальная повесть // Сост. П. А. Орлова М., 1979 С. 203—222, Ландшафт моих воображений. Страницы прозы русского сентиментализма // Сост. В. И. Коровина М., 1990 С. 110—130. О повести см. Жирмунский В. М. «Российский Вертер» // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова Л., 1934 С. 547—566.

² Российский Вертер С. 1. В цитатах сохраняем в основном старую орфографию, опускаем ъ в конце слова, вместо Ъ пишем е, вместо і — и.

³ Там же.

1790), служил главным судьей сибирского управления Мать, Мария Васильевна, урожденная Храповицкая (1752—1803), в свое время была известной переводчицей Брат ее, дядя Сушкова, Александр Васильевич Храповицкий (1747—1801), был приближенным Екатерины II Вероятно, именно родство с последним явилось причиной того, что самоубийство Сушкова привлекло к себе внимание самой императрицы

Подробности о самоубийстве Сушкова мы узнаем из донесения оберкоменданта Москвы к Екатерине II⁴ и из неопубликованных воспоминаний его брата, Николая Васильевича Сушкова (1796—1871)⁵ В 17 лет, т е 9 августа 1792 г (ст ст), Михаил Сушков должен был вступить в Преображенский полк Сушков приехал в Москву под предлогом подготовки к военной службе и остановился со своим слугой в доме слепой тетки, где ночью 15 июля 1792 г он покончил с собой

В день самоубийства Сушков написал всего 4 письма одно Николаю Федоровичу Хитрово, другое некоему Никите Петровичу и два письма своим дядям Александру и Михаилу Храповицким Чтобы письма достигли своих адресатов, Сушков выбрал своеобразный путь Первое письмо, к Николаю Хитрово, сопровождалось пакетом, адресованным Никите Петровичу В нем находились наряду с письмом к Никите Петровичу два письма к Храповицким Возможно, что Сушков надеялся таким образом избежать перлюстрации писем Однако Управа благочиния, нашедшая после смерти Сушкова запечатанные им письма, не замедлила их открыть и сделать с них копии Именно эти копии до сих пор хранятся в московских архивах

Николай Федорович Хитрово (ок 1770—1819) был братом Натальи Федоровны Хитрово, любовь к которой, как указывается в воспоминаниях Николая Сушкова,⁶ якобы описана Михаилом Сушковым в «Российском Вертере» Семья Хитрово была богата Отец, Федор Александрович Хитрово, участвовал в дворцовом перевороте 1762 г, за что Екатерина II наградила его имением, состоявшим из 800 душ Неравенство состояний Натальи Хитрово и относительно бедного Михаила Сушкова находит параллель в неравенстве состояний любящих в повести «Российский Вертер» Однако Наталья Хитрово не была замужем, в отличие от Марии в повести Так и Сушков, в отличие от своего героя, еще не служил в гвардии, хотя он был записан в нее уже с колыбели

О характерах Натальи Хитрово и ее брата можно судить из материалов дела, возбужденного против них в 1794 г за жестокое обращение с крепостными Екатерина II лично потребовала провести следствие, в письме к тверскому губернатору Н П Архарову она с негодованием пишет о том, «что гвардии преображенского полку порутчик Николай Хитрово и сестры его девицы Катерина и Наталья,

⁴ РГАДА, ф 16, ед хр 582, л 132—132 об., ЦИАМ, ф 16, оп 1, ед хр 404, л 13

⁵ ОР РГБ, ф 297 к 4, ед хр 6

⁶ Там же, л 12

живущия в Москве <...> отягощают крестьян своих выше меры...»⁷ Дело кончилось тем, что заставили Хитрово продать все их имение брату губернатора И. П. Архарову.⁸

Однако в дворянском обществе Николай Хитрово играл совсем другую роль. Как пишет П. А. Вяземский в своей «Старой записной книжке», он был «умен, блистателен и любезен», участвовал в дружеском и несколько разгульном обществе под именем «Галера» и слыл «счастливым волокитой».⁹ Позже, в 1811 г., Хитрово женился на дочери Кутузова, Елизавете Михайловне, известной своими отношениями с Пушкиным.

Холодно-остроумный характер письма Сушкова к Хитрово, которое написано по-французски, безусловно, определяется в некоторой степени характером адресата:¹⁰ «Vous serez bien surpris, Monsieur, que c'est à vous que je m'adresse dans une affaire, qui vous touche si peu, mais c'est un droit que me donne l'excellence de votre coeur, et si je vous connoissois encore moins je ne balancerois pas un moment de le faire. Au nom de l'amitié qui vous unit à Nikita Petr. apprenez lui secrètement ma mort et remettez le paquet y joint. — Je ne doute pas que vous ne le fassiez. — Mes respects à vos aimables soeurs¹¹ auxquelles je souhaite des maris qui ne me ressemblent pas. Comme elles sont fort dévotés je les supplie de prier quelque peu pour moi les barbus prêtres, qui éxauceron leurs vœux plutôt que ceux de nos ivrognes de prêtres. Adieu. Voyez que je ne manque pas de politesse envers le beau sexe, même sous les faux de la mort. — Surtout un bon panégirique, je vous prie dans le style de Barkow.

Jeudi à 7. heurs du soir.

Votre serviteur, qui bientôt ne le sera plus,

Michel de Souchekow».

«Вы, наверно, удивитесь, милостивый государь, что я обращаюсь к Вам с одним делом, которое Вас так мало касается; но превосходство вашего сердца дало мне это право, и если б я Вас даже меньше знал, то и тогда я бы не колебался ни минуты им воспользоваться. Во имя дружбы, которая связывает Вас с Никитой Петровичем, сообщите ему тайне о моей смерти и передайте ему прилагаемый пакет. Не сомневаюсь, что Вы исполните мою просьбу. Я хотел бы выразить свое почтение вашим любезным сестрицам, которым желаю обрести супругов, не подобных мне. Так как они очень набожны, я прошу их обратиться к бороатым апостолам, чтобы немного помолиться за меня. Они исполнят их желания лучше, чем наши пьяницы-священники. Прощайте. Как видите, я сохраняю видимость приличия

⁷ Русский архив. 1864. С. 909.

⁸ РГАДА, ф. 16, ед. хр. 975, л. 134—141 об.

⁹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. VIII. С. 492—493.

¹⁰ ЦИАМ, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 404, л. 3.

¹¹ Т. е. Катерина и Наталья Хитрово.

к прекрасному полу даже под косой смерти Особенно хорош будет панегерик, прошу Вас, в стиле Баркова

Четверг, в 7 часов вечера,
Ваш слуга, который скоро им больше не будет,

Михаил Сушков» >

Как было намечено Сушковым, Николай Хитрово должен был передать упомянутый пакет Никите Петровичу Под последним, несомненно, подразумевался Никита Петрович Хитрово,¹² который был женат на двоюродной сестре Сушкова Наталье Николаевне Каковинской, дочери бывшего московского оберкоменданта Николая Никитича Каковинского и Марии Михайловны Сушковой Наталья Николаевна была известной дамой в московском светском обществе конца XVIII—начала XIX в Граф М Толстой вспоминает, что ее дом на конце Пречистенки, который находился в роде Хитрово еще с половины XVII в, «был всегда открыт для всех, и утром, и вечером, и каждый приехавший был обласкан хозяйкою так, что можно было подумать, будто бы он был для нее самый дорогой из всех и самый желанный гость»¹³ Благодарность за гостеприимство, с которым Сушков, несомненно, был принят в доме Хитрово, звучит в его письме к Никите Петровичу, свидетельствующем о более тесных отношениях между писателем и адресатом¹⁴

«Милостивый государь Никита Петрович!

Известная мне чувствительность вашей души решила меня написать к вам сии строки, которые вы не прежде прочтете, как меня уже не будет на свете Я не скажу да и не умел бы сказать вам причину моего предприятия, которое покажется всякому отчаянным, однако ж оно не что иное как плод моего пасмурного характера, который рано иль поздно необходимо привел бы меня к сему предприятию Но какова б ни была причина, следствие оной не возвратно Знаю, что ваше человеколюбивое сердце не снесет равнодушно известия о таком поступке, однако ж вы будете в силах сохранить тетюшку Прасковью Михайловну,¹⁵ в чем состоит все теперь мое желание Я всегда умел чувствовать ея милости, но доказать благодарность соразмерную оным превосходило мои силы Что мне сказать вам больше? Живите в непрерывном благополучии, и вспоминайте иногда меня, который был к вам истинно привязан, таковое воспоминание утешает меня заранее, хотя я и не буду тогда его чувствовать — Когда я воображаю, что в последний раз видел

¹² Николай Федорович Хитрово — троюродный племянник Никиты Петровича

¹³ Русский архив 1894 Т 1 С 210

¹⁴ ЦИАМ, ф 16, оп 1, ед хр 404, л 4—5

¹⁵ Прасковья Михайловна Сушкова (1745—1833), слепая В ее доме Михаил Сушков покончил с собой

всех вас, то и слезы против воли моей выступают из глаз, и я чувствую что не все нити, привязывавшие меня к жизни, разорваны, но хотя с некоторым усилием превозмогу последний остаток слабости — приготовляться в другой раз к смерти было б для меня тягостно, а теперь половина дела исполнена. Теперь 3 часа пополудни, чрез 12 часов все силы мои исчезнут, и хотя я не охотно готовлю такой сюрприз к приезду Анны Петровны, ¹⁶ но это неизбежно. Впрочем, я спокойно провожу последние часы моей жизни, а завтра день наступит, и я его не увижу. — Примите труд переслать к дядюшкам ¹⁷ приложенные при сем письма, если не теперь, то когда разсудите. Сто рублей моих денег принадлежат тетушке, у которой я занимал, и я доволен, что и во гробе не буду никому должным. При сем приложенныя 35 рублей составляют все то, что у меня осталось, а больше не извольте требовать от Алексашки, ¹⁸ на котораго могли бы иметь подозрение. — Простите, кланяйтесь всем тем, которыя меня любили; любезную Настасью Николаевну в мыслях целую и желаю всем тем того щастия и спокойства, коего мне недоставало. — К Рязанцам своим не пишу за тем, что им такое послание не приятно, но всех в сию минуту воспоминаю...» ¹⁹

Письмо к Никите Петровичу Хитрово сопровождалось двумя письмами к братьям Александру и Михаилу Храповицким. Первый из них, Александр Васильевич (1747—1801), был, как уже сказано, приближенным Екатерины II. С 1782 по 1793 г. он исполнял должность ее секретаря, читал царице донесения и исправлял ее литературные сочинения. Александр Храповицкий и сам занимался литературой; он переводил с французского языка, обменивался стихотворениями с Державиным, вел свой известный дневник. После смерти Храповицкого его бумаги достались племянникам Петру и Николаю Сушковым. Через последнего они попали в Румянцевский музей, ныне РГБ. Среди этих бумаг находится автограф прощального письма Михаила Сушкова, адресованного «Милостивому государю дядюшке Александру Васильевичу Его Превосходительству Храповицкому в С. Петербург». ²⁰

На письме приписано рукой Александра Храповицкого: «В летних месяцах 1792 года». Само письмо на французском языке:

«Mon cher oncle!

Quand vous lirez cette lettre, votre neveu ne sera plus, et le bonheur comme le malheur de ce monde n'auront plus de pouvoir sur lui. En un mot, ma résolution est prise: je veux mourir. Il a le spleen des

¹⁶ Возможно: Анна Петровна Румянцова, жена Петра Михайловича Сушкова.

¹⁷ Т. е. Храповицким.

¹⁸ Слуга Сушкова.

¹⁹ Приписка на копии: «На подлинном подписано тако: Петр Сушков».

²⁰ ОР РГБ, ф. 323, № 1351. 1 (письмо не раз просмотрено исследователями). Копии этого письма: ОР РГБ, ф. 297, к. 4, ед. хр. 6, л. 12; ЦИАМ, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 404, л. 2.

anglois²¹ direz vous, il a le diable au corps, diront quelques fanatiques — point du tout je n'ai ni l'un ni l'autre. J'ai décrit mes idées à mon oncle Michel, qui à la vérité sont en partie assez singulières, mais je veux vous épargner la peine de lire une pareille relation. Je n'aurois pas pris même la hardiesse de vous incommoder par la présente, si je ne voulois vous témoigner ma reconnaissance pour la bonne disposition que vous parûtes avoir pour moi. Peu m'importe qu'elle n'eût pas lieu pour moi, mais aussi en vous témoignant ces dernières obligations, je vous supplie de nourrir ces généreux sentimens que vous avez eu pour moi, — de les nourrir pour mes frères et soeurs, qui en auront besoin plus que tout autre. Je suis bien assuré que vous exaucerez les vœux d'un malheureux qui bientôt ne pourra plus avoir l'honneur de se nommer votre très humble neveu

Michel de Souchekow»

<«Дорогой дядюшка!

Когда вы прочтете это письмо, вашего племянника уже не станет, ни благополучие, ни злополучие этого мира больше не будет иметь власти над ним. Одним словом, мое решение принято, я хочу умереть. Вы скажете все это «английский сплин», некоторые фанатики скажут это вселился в него дьявол — ничего подобного нет во мне нет ни того, ни другого. Я изложил дядюшке Михаилу свои мысли, которые в самом деле в некоторых отношениях довольно своеобразны, но я хочу Вас избавить от труда читать подобное. Я даже не осмелился бы побеспокоить Вас настоящим письмом, если б не хотел Вам высказать мою благодарность за ваше доброжелательное отношение ко мне. Не важно, что в конце концов оно не имело никакой пользы для меня, но оказывая Вам этот последний долг, я Вас умоляю питать эти благородные чувства, которые Вы имели ко мне, — питать их и к моим братьям и сестрам, ваша благосклонность им нужнее всего другого. Я уверен, что Вы исполните желание несчастного, который скоро уже не будет иметь чести называть себя вашим покорнейшим племянником

Михаилом Сушковым»>

Брат Александра Храповицкого Михаил является адресатом последнего приведенного здесь письма. Михаил Васильевич Храповицкий (1758—1819), оставшийся, как и старший брат, холостым, вел жизнь «философа-поэта» в уединении своей деревни. Там он писал стихотворения и философский дневник под названием «Плод моего уединения»²². Как Сушков пишет в письме к Александру Храповиц-

²¹ В XVIII в считалось, что пасмурный климат Англии способствовал особенной склонности ее жителей к меланхолии и к самоубийству. Причину этого мифа следует искать в более свободной информации о самоубийствах в тогдашних английских газетах. См. *Bartel R. Suicide in Eighteenth Century England. The Myth of a Reputation // The Huntington Library Quarterly V XXIII (1959—1960) P 145—158*

²² В кн. «Раут» Историко литературный сборник // Изд Н В Сушкова М, 1852 Кн 2 С 225—259

кому, он считал письмо к Михаилу Храповицкому своим завещанием; в нем он излагает, как сам говорит, «свои своеобразные идеи». Заметно, что он осмыслил письмо как литературный текст, при этом рассчитывая, может быть, на широкую публику. Немудрено, что некоторые отрывки в письме Сушкова напоминают отрывки в прощальном письме его литературного создания — «Российского Вертера».

После смерти Сушкова списки его прощального письма к Михаилу Храповицкому ходили по рукам. Среди его читателей были Екатерина II и Н. М. Карамзин. Еще в начале XIX в. письмо вместе с завещанием другого самоубийцы было включено в рукописный литературный сборник.²³ Мы можем считать это письмо своеобразным образцом рукописной литературы конца XVIII в.:²⁴

«Милостивый Государь Дядюшка Михайло Васильевич.

Могли ли вы ожидать такого известия, вы, которой видели меня за несколько недель; мне наскучила жизнь, и прежде, нежели дойдет к вам сие письмо, я уже не в силах буду писать другое. Однако это все для вас загадка, и так вот пояснее. — Состояние мое давно меня тяготило, но тяготило так, как философа. Я видел мои недостатки²⁵ и невозможность батюшкину²⁶ мне помочь; словом сказать, я видел, что не могу жить в свете, где предразсудки велели бы меня презирать, и где бедность весится наравне с злодейством. — Конечно, надлежало бы мне презреть мысли таких людей, но простите пылкости моих лет, которые позволяли мне распознавать мечту нами водящую, но понуждали, однако ж, бродить зажмурившись с другими. — Долго я строил замки на воздухе; то полагался на выгодную женитьбу, то надеялся на личные приятности, то ожидал произойти способностью ума; однако ж все это еще далеко, не говоря что, может быть, и никогда бы не было; но сколько ж бы жолчи я выпил

²³ ОР РГБ, ф. 179, ед. хр. 2805, л. 109—111. Завещание другого самоубийцы, И. М. Опочинина: л. 111 об.—112 об. Об этом завещании см.: *Трефолев Л. Н.* Предсмертное завещание русского атеиста // *Исторический вестник.* 1883. Янв. С. 224—226.

²⁴ В московских архивах сохраняются не менее 5 списков этого письма, которые, несмотря на небольшое различие в правописании, все одинаковы: РГАДА, ф. 16, ед. хр. 582, л. 134—136 об.; ЦИАМ, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 404, л. 9—11; ОР РГБ, ф. 323, к. 1353, ед. хр. 21, л. 1—4; ф. 297, к. 4, ед. хр. 6, л. 12 об.—15; ф. 178, ед. хр. 2805, л. 109—111 (Рукописный сборник). Здесь текст приводится по копии РГАДА. Некоторые списки были уже известны исследователям. Еще в 70-х гг. XIX в. Н. П. Дуров, сотрудник журнала «Русская старина», ознакомившись с копией в рукописном сборнике, подготовил статью о нем. Впрочем, Дуров более интересовался также включенным в сборник завещанием Опочинина. Статья никогда не печаталась (рукопись: ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 3757). Письмо Сушкова цитируется в кн.: *Коган Л. А.* Крепостные вольнодумцы. М., 1966. С. 177; *Лазарчук Р. М.* Дружеское письмо как явление литературы: дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1971. С. 99, 102—103, а также упоминается в сносках в кн.: *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер: XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978. С. 56.

²⁵ Т. е. денежные недостатки.

²⁶ Василий Михайлович Сушков (1746—1819); при Павле I симбирский губернатор.

прежде, нежели достигнул бы моих предприятий, и тому, кто в ребяческих летах начал его чувствовать, гораздо лучше принять минутное лекарство, нежели ожидать чрез сорок лет облегчения, когда уже меня ничто не будет лстыть — Я не был создан чтобы пресмыкаться, или, как говорят по-французски, *se courir dans le néant* ²⁷ Иногда приходило мне в мысль влюбиться, и подлинно это единственное средство могло бы меня привязать к свету, в котором я бродил, как в лесу Просыпавшись, не иметь приятной цели для наступающего дня, ложиться, не надеясь быть веселее завтра, — это довольно тяжкое положение К несчастью и етова способа мне не доставало Я не нашел предмета, который бы мог заменить мне вселенную, и сему причиной было, как я воображал, мои лета, мои недостатки, не допускаявшие меня блистать пустяками, ²⁸ а может быть, и недостаток моих достоинств А когда такая мысль мне приходила, то раздражала мое самолюбие, разрывала мне сердце — Ныне, оставшись один в Москве, я имел время довольно обдумать все сии обстоятельства, окружающая меня пустота, уединение, в котором ничто меня не рассеивало, — это подкрепило меня в намерении умереть, которое несколько времени уже приходило мне в голову Может быть, и Вертер помог мне от части, но для Бога не почитайте меня обезьяною Вертера, а еще менее безумным — Право, во мне нет ни безумия, ни меланхолии, от которой тетушкина Агафья спрыгнула в колодезь В самую ту минуту, как я пишу, я принужден слышать глупости Алексашки и хохотать с ним во все горло Итак, свеся с холодным духом все причины говорящие *pour* и *contre*, я выбрал то, что казалось мне лучше При сем прилагаю как охотнику стихи недавно мною сделанные ²⁹

Что наша в свете жизнь? она претяжко бремя
Что сей прекрасный свет? училище терпеть
Что каждый миг есть? зло и будущих зол семя
Зачем родимся мы? поплавав умереть
Что злато почести? младенчески игрушки
Которыми всегда играет смертный род
Щастлив кто в жизнь свою не покидал гремяшки
Взглянул, и зрит себя могилы у ворот
Но пусть бы оными играли мы без спора
Насильством не чиня один другому слез
Напротив, кто достал сего побольше сора
Тот всех пятой гнетя главу свою вознес
Почто же цепь сию спокойным оком вижу?
Сего дня ль завтра ли она должна упасть?
И так коль я себе свободы час приближу
Могу ли новую тем заслужить напасть?
Не оскорблю тебя сей мыслию владыко

²⁷ погрязнуть в ничтожестве (*фр*)

²⁸ Может быть, намек на неравенство в состояниях препятствовавшее любви Сушкова к Наталье Федоровне Хитрово

²⁹ Эти стихи являются исправленной редакцией стихотворения вошедшего в «Российский Вертер», с 72—74 (письмо XXXIII декабря 14)

Незлюбив ты, и я отца в тебе найду,
А хоть на век умру, то бедство не велико:
К тебе или к земле с отвагою иду...

Никогда и никто не был столько уверен в небытии души, как я, прочтя то место, где Волтер хотел доказать, что она существует.³⁰ Когда сам Волтер не мог меня убедить, то какие же богословы то бы сделали. — Однако ж очень видно, что я надеюсь мало говорить на том свете, когда столько заврался теперь на прощанках. Никогда я не был так плодовит! — Мне хотелось объявить вам подробно свой символ веры, однако ж *le jeu ne vaut pas la chandelle*,³¹ а когда вы сами того же мнения, то это будет также пустое повторение. — Желал бы также сделать возражение тем, которые будут врать, что не должно отнимать того, что возратить не можешь; что больше духа снести бремя жизни, нежели скинуть и проч.,³² но эти люди не стоят опровержения. Скажу только, что, конечно, Катон великодушнее каторжника, которой мучится и живет,³³ и что я волен сбросить ношу, хотя и не могу опять поднять ее, тем более, что рано или поздно ей назначено упасть. По крайности, я уверен, что вы не в числе сих людей, — да и по словам ханьжей всякой праведник семь раз в день согрешает, но не лутче ли я согрешу один раз чтобы не грешить уже вечно: скольких грехов себя избавлю? — Однако ж не примите сего иначе как в шутку. —

Когда время все успокоит, то вы можете сообщить это письмо к батюшке для странности его слога. Скажите ему, чтобы он не лишал своей милости Алексашку за то, что он не усмотрел за мной: *peut on me garder de moi même?*³⁴ Уверьте братцев и сестриц, что я не забывал их до последнего часа, и теперь прошу дядюшку Александра Васильевича, чтоб он обратил на них ту милость, которою, как казалось, был ко мне расположен. — Для блага их желаю, чтоб они начали разсуждать позднее, нежели я: жизнь их отравилась бы огорчениями, или надлежало бы всем перестреляться. — Не правда ли что эта мысль довольно забавна? родиться девяти человекам на то, чтобы всем застрелиться? Однако ж все миллионы людей не на то ли рождаются, чтобы всякими манерами умирать? У дядюшки Алексея Васильевича³⁵ ручки целую. Ежели не выберу другой смерти,

³⁰ Возможно: «*Traité de Métaphysique, chapitre V: Si l'homme a une âme, & ce que ce peut être. Oeuvres complètes de Voltaire. [De l'imprimerie de la société littéraire typographique], 1784. Т. XXXII. Р 43—50. В вопросе о том, бессмертна ли человеческая душа, Вольтер остается скептиком.*

³¹ игра не стоит свеч (фр.).

³² Ср.: Российский Вертер. С. 70 (письмо XXXIII, декабря 14): «Между прочими софизмами ты говоришь, что больше твердости сносить бремя жизни, нежели оное свергнуть».

³³ Ср. там же: «Возьми тысячу злодеев, которые несут достойную казнь, быв лишены чести, свободы и всех удовольствий — они ропщут и живут, и ты неужли найдешь в них больше твердости, нежели в Катоне, который добровольно прешел к неизвестной вечности».

³⁴ можно защищать меня от самого себя? (фр.).

³⁵ Алексей Васильевич Храповицкий (ум. 1819), сводный брат Александра и Михаила; бригадир, жил в Твери.

то пистолеты его выпрошены мною не напрасно. — После меня осталось множество сочинений, но они так перемешаны, что надлежало бы мне воскреснуть, чтобы привести их в порядок. Многие неокончены, а иные и без начала. — Итак, дозволяю в целом уме и памяти истопить оными печь; в сем состоит все мое завещание и наследство. Однако ж пора окончить. Желаю вам здоровья, которое одно могло бы разстроить ваше благополучие. — Живите долго, потому что жизнь вам в утешение, и иногда вспоминайте племянника, которой умел ценить ваши милости

Михайло Сушков».

Вышеприведенные письма были написаны и запечатаны 15 июля. 17 июля оберполицмейстер Глазов сообщает в своем рапорте к главнокомандующему Москвы А. А. Прозоровскому «об удавившемся гвардии сержанте Сушкове». ³⁶ Прозоровский знал, что такая необыкновенная смерть, которой умер племянник приближенного Екатерины II, не может не интересовать ее. Поэтому, основываясь на рапорте Глазова, Прозоровский поместил в своем донесении к императрице между еженедельными известиями о пожарах и ценах на хлеб подробное описание всего, что произошло вокруг молодого саомубийцы: ³⁷

Всемиловнейшая государыня! <...>

На прошедшей недели Гвардии Сержант Михайла Сушков от роду 16^{ти} лет, приехавши в Москву из деревни тетки своей в Московской ея дом с одним своим человеком, и по приезде в дом был тут человек тетки его, управляющий домом, — при которых он писал весь день и печатал письма, потом выслал людей под предлогом, что он хочет спать, по выходе их, запершись, лег спать. На другой же день, когда после ожидания до первого часу пополудни его пробуждения наконец прежде бывшая его мамка подошед к дверям спальни стучала, ³⁸ и как ничего в ответствие не получила, то люди отворили у окошка ставень и увидели его повесившагося на сплетенном толстом шнурке, привязанном за гвоздь в стене. ³⁹

Управа благочиния при следствии сего происшествия забрала письма, писанныя им накануне, в которых, как он описывает причины сего поступка к Михайле Васильевичу Храповицкому, брату родному Действительнаго Статскаго Советника Храповицкаго, как он племянник родной вышеписаннаго, то я с письма к нему всеподданейше прилагаю к Вашему Императорскому Величеству копию, из котораго Всемиловнейшая Государыня! усмотреть изволите образ развратнаго суждения и беззакония, видно, что он воспитан был как

³⁶ ЦИАМ, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 404, л. 1.

³⁷ РГАДА, ф. 16, ед. хр. 582, л. 132—132 об.; ЦИАМ, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 404, л. 13.

³⁸ Ср. рапорт Глазова: «...подошед к дверям спални с ягодами бывшая Ево мамка...».

³⁹ В рапорте Глазова еще: «По осмотру ж частнаго штаблекаря на оном теле никаких других, кроме на и вокруг шеи от шнурка, знак не сказалось».

либо развратным французом, как правил прямых человека в нем заложено не было. Он вывезен за город и погребен. Письмы ж по надписям к родне его, в числе котором и Действительному Статскому Советнику Храповицкому, препоручены доставить Управы благочиния <...>

июля 19 дня 1792 года <...>

всеподаннейший
князь А. Прозоровский».

В XVIII в. самоубийство относилось к категории самых тяжелых преступлений. Тех, кто пытался покончить с собой, осуждали к смертной казни. Если самоубийство удавалось, то наказывали труп. В Воинском уставе, изданном Петром I в 1716 г. и действовавшем для большинства дворян, говорилось: «Ежели кто сам себя убьет, то надлежит палачу тело его в безчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу». ⁴⁰ Делали исключение тому самоубийце, который явно страдал душевными болезнями (например, меланхолией): его труп не подвергался наказанию; хоронили его, хотя вне кладбища, «но не в безчестном месте». Это, очевидно, произошло и с телом Сушкова.

2

Самоубийство Сушкова получило разные оценки в тогдашнем русском обществе. Чаще всего оценки были более или менее отрицательны. Несчастному молодому человеку не сочувствовали, а осуждали его, посылали друг другу списки прощального письма к Михаилу Храповицкому, чтобы выразить негодование по поводу его содержания. Прозвучал один сочувственный отклик, в духе меланхолической сентиментальной литературы.

Донесение Прозоровского о смерти Сушкова было получено царицей 26 июля. В этот день Александр Храповицкий написал в своем дневнике: «За несносною зубною болью не ходил вверх. Почту Московскую читал Попов ⁴¹ и приходил ко мне, по приказу Ея Величества, показать рапорт князя Прозоровского о смерти племянника моего Михайла Сушкова. Он в комнате своей повесился, и тут же копия с его письма к брату Михайлу Вас. Храповицкому. Буде верить словам Попова, то сказано: вот какое воспитание! не вкоренен закон христианский». ⁴²

Последние слова, по указателю Н. Барсукова, — слова Екатерины II. Известно еще другое замечание Екатерины по поводу смерти

⁴⁰ Полн. собр. законов Российской империи. Собрание первое (1649—1825). СПб., 1830. Т. V. С. 370.

⁴¹ Попов Василий Степанович (1745—1822).

⁴² Дневник А. В. Храповицкого, 1782—1793. По подлинной его рукописи, с биографическою статьею и объяснительным указателем Н. Барсукова. СПб., 1874. С. 405—406.

Сушкова. В воспоминаниях Николая Сушкова указывается, что она сказала Александру Храповицкому при первой встрече с ним после его болезни: «Жалею об отце и матери, которые потеряли такого сына. Но еще больше жаль его самого. Если бы он остался жив, то мы скоро бы забыли о Вольтере». ⁴³

Отмечаем, что сам Александр Храповицкий не высказывает никакого мнения о смерти своего, как оказалось, любимого племянника. Так и Михаил Храповицкий в своем дневнике в это время (30 июля 1792 г.) записывает только свои обычные отвлеченные размышления. ⁴⁴ Для поколения Храповицких дневник, и литература вообще, не являлись средством выражений личных чувств; границу между такой общественной областью, как литература, и частной жизнью не преступали. К этому представлению о благопристойности мы можем отнести и поведение их сестры, матери Сушкова, Марии Васильевны. Но тут молчание, вероятнее всего, может быть объяснено слишком сильной болью, причиненной гибелью сына. Николай Сушков пишет о матери в своих воспоминаниях: «Что ни случилось с нею в жизни печального и радостного, не любила говорить ни о печали, ни о радости: все, так сказать, слагала в сердце, и единому небу открывала свои внутренния чувства и помышления. Даже тяжелый крест — самоубийство первенца своего <...> в котором чаяла себе утехи и опоры в старости, могла понести: никому, никогда ни слова о семейной беде, точно ее не бывало». ⁴⁵

Поступок Сушкова мог восприниматься как нарушение общественных правил, и некоторые видели его причины в той же склонности ума, которая была присуща французским революционерам. Так, Н. Н. Бантыш-Каменский, архивариус в Министерстве иностранных дел, который снабжал новостями из Москвы живущего в деревне князя А. Б. Куракина, пишет ему 8 сентября 1792 г.: «Что это во Франции? Может ли просвещение довести человека в такую темноту и заблуждение! Злодейство в совершенстве. Пример сей да послужит всем, отвергающим веру и начальство. Говоря о чужих, скажу слово и о своем уроде Сушкове, который Иудину облобызал участь. Прочтите его письмо: сколько тут ругательств Творцу! Сколько надменности и тщеславия о себе! Такова большая часть наших молодцов, пылких умами и не ведущих ни законы, ни веры своей». ⁴⁶ Сдержанный, но все-таки отрицательный отзыв о Сушкове слышится у Карамзина. 6 сентября 1792 г. он пишет своему другу И. И. Дмитриеву: «Для чего по сие время не получаешь ты Мифологию? ⁴⁷ Для того, что издатель (т. е. издатель Мифологии, а не Московского Журнала) возненавидел жизнь и удавился. Вообрази,

⁴³ ОР РГБ, ф. 297, к. 4, ед. хр. 6, л. 16.

⁴⁴ См.: «Раут». 1852. Кн. 2. С. 253—254.

⁴⁵ ОР РГБ, ф. 297, к. 4 ед. хр. 6, л. 3 об.—4.

⁴⁶ Русский архив. 1876. Ч. III. С. 274.

⁴⁷ Имеется в виду: Полная баснословная история со включением истолкования оной. Собрал из разных французских писателей Михайло Сушков. М., 1792. Ч. 1—3; Владимир, 1799. Ч. 4.

какой удар для матери, переводчицы Инок! ⁴⁸ ЕСТЬЛИ хочешь, то я пришлю к тебе письмо, писанное им к дяде за несколько часов перед смертью. Ты удивишься!» ⁴⁹

Возможно, откликом на самоубийство Сушкова является «Письмо к издателям Новых ежемесячных сочинений», напечатанное в 1794 г. в ноябрьском номере этого журнала. ⁵⁰ Автор письма, подписавшийся инициалами И. З. (под которыми скрывается Иринарх Завалишин, 1770—1821), приводит якобы попавшееся в его руки письмо самоубийцы и дает собственный обширный комментарий. Завалишин представляет общественное мнение, которое защищается от обвинения самоубийцы, разочарованного в жизни и, следовательно, в обществе. Он ищет причины поступка в дурном воспитании, распущенности и заблуждениях рассудка. В приведенном Завалишиным письме встречаются такие же рассуждения о жизни, такая же рационализация самоубийства, такая же ложная, по мнению комментатора, религиозность, как в письме Сушкова к Михаилу Храповицкому. Не находим намек на любовную историю. Первый абзац письма самоубийцы (с инициалами С... П...) кажется парафразом письма Сушкова: «Уже давно жизнь была мне тягостна; но теперь, когда начинает являться недостаток в подкреплении моего состояния, соделывается она мне ненавистною! — Я вижу, что скоро буду приведен в положение иметь нужду в других, и следственно, найду себя принужденным унижаться — И так решился я лучше умереть от собственныя руки своей. В то самое мгновение, когда получите вы мое письмо, сие ужасное предприятие будет уже совершено». ⁵¹

Некоторые обороты в комментарии Завалишина могут подтвердить предположение, что образцом его мистификации служило именно письмо Сушкова. Такова, например, следующая грамматическая ошибка: «Естьли бы П... с измаленька приобучился заключать свои хотения в пределы строгой умеренности <...> не возмог бы он сказать, что жизнь мне наскучила». ⁵² Ошибка (несогласованность личных форм он — мне), несомненно, вызвана непосредственной цитатой. При этом фраза «жизнь мне наскучила», отсутствующая в письме у Завалишина, встречается в первых строках письма Сушкова к Михаилу Храповицкому.

Сочувственный отклик на поступок Сушкова принадлежит поэту Г. А. Хованскому (1767—1796). Он почтил молодого самоубийцу эпитафией в духе сентиментализма:

⁴⁸ Мария Сушкова перевела книгу Мармонтеля: *Инки, или Разрушение Перуанской империи*. М., 1778 (переизд.: 1782, 1801, 1819).

⁴⁹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с примечаниями и указателем, составленными Я. Гротом и П. Пекарским. СПб., 1866. С. 30.

⁵⁰ *Новыя ежемесячныя сочинения*. 1794. Ч. СІ. С. 5—33; Ч. СІІ С. 18—60.

⁵¹ *Новыя ежемесячныя сочинения*. Ч. СІ. С. 6.

⁵² Там же. С. 14.

М. В. С.

Он в нежной юности жизнь кроткую скончал;
Любил на свете всех и сам был всем любезен,
Не быв отечеству, несчастным был полезен;
Чтил добродетель — пороки презирал». ⁵³

В сентиментальной литературе самоубийство оценивалось более или менее положительно. Оно считалось доказательством высокой степени чувствительности. Самоубийца становится сентиментальным героем, другом по несчастью, объектом идентификации и катарсиса для других несчастных молодых людей («несчастливым был полезен»).

3

Вскоре после того, как повесть «Российский Вертер» смогла выйти в свет (это было лишь в 1801 г., после смерти Павла I, в период временного смягчения цензурного режима), Карамзин опубликовал в своем журнале «Вестник Европы» короткую статью о самоубийстве. Статья является переводом рецензии мадам де С.-Ф. Жанлис на книгу М.-Н.-С. Гийона, в которой последний выступает против самоубийства. ⁵⁴ Одобряя намерения писателя книги, Жанлис в то же время находит в ней некоторые недостатки: «В книге Г. Гильона много прекрасных чувств и разсуждения <...> Он, однако, не доказал <...> что книги, в которых оправдывается самоубийство, умножили число сих преступников. Несчастный, ненавидя жизнь, легко решится умертвить себя, когда писатели, им уважаемые, хвалят такое дело». ⁵⁵ Далее следует анекдот об одном англичанине, который под «бедственным влиянием» пьесы «Катон» Дж. Аддисона решил покончить с собой. Возможно, что Карамзин, переведя эту статью, имел в виду конец героя «Российского Вертера» и кончину самого его создателя: ведь на подоконнике в комнате повесившегося «русского Вертера» обнаружили трагедию Аддисона.

В повести Сушкова книжка с трагедией раскрыта на первом явлении пятого действия, т. е. на монологе Катона, решившего покончить жизнь самоубийством. В XVIII в. этот драматический отрывок пользовался значительной известностью и несколько раз был

⁵³ Хованский Г. Жертва музам, или Собрание сочинений, подражаний и переводов в стихах. М., 1795. С. 95. Эпитафия Сушкову упомянута в воспоминаниях Николая Сушкова: ОР РГБ, ф. 297, к. 4, ед. хр. 6, л. 16.

⁵⁴ *Genlis S. F. Entretiens sur le suicide, ou Courage philosophique, opposé au courage religieux...* / Par Marie-Nicolas-Silvestre Guillon // Nouvelle Bibliothèque des romans. Paris, an X (1802). Т. 15. P. 194—197.

⁵⁵ Вестник Европы. 1802. Ч. 2, октябрь, № 19. С. 207—209.

переведен на русский язык.⁵⁶ В своей повести Сушков приводит следующие строки:

Сомнениями объят, отвергнуть должно их,
(Берет кинжал.)
Живот и смерть моя теперь в руках моих.
Вот изцеление, или отравы люта —
Из света изведет меня одна минута.
Катонов твердый дух весь должен страх презреть!
И равно для него заснуть, иль умереть.⁵⁷

Приведенные Сушковым строки являются обработкой нескольких стихов из перевода его матери, М. В. Сушковой. Ее перевод монолога Катона, т. е. всего первого явления пятого действия, был опубликован в 1772 г. в сборнике «Вечера».⁵⁸ В своем переводе Сушкова не только заменила белый стих Аддисона александрийским стихом, но и в некоторой степени модифицировала смысл оригинала.

Дело в том, что монолог Катона является апологией бессмертия души. Аддисон приводит один из аргументов, актуальных в английских философских прениях конца XVII—начала XVIII в., т. е. так называемый «аргумент желанья».⁵⁹ Этот аргумент состоит в том, что представление о бессмертии в человеческом сознании само по себе уже доказательство его истины. Но Катон, держа в руке «Федона», книгу Платона о бессмертии души, ведет свой монолог с вопросительной интонацией, в которой, особенно в первых словах, слышен последний отголосок сомнения:

It must be so — Plato, thou reason'st well!
Else whence this pleasing hope, this fond desire,
This longing after immortality?
Or whence this secret dread, and inward horror,
Of falling into nought? why shrinks the sou!
Back on herself, and startles at destruction?
'Tis the divinity that stirs within us;
'Tis heav'n it self, that points out an Herafter,

And intimates eternity to man,
<...>⁶⁰

⁵⁶ Монолог из трагедии «Катон», сочиненный г. Аддисоном // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1788. Ч. XXV. С. 74—76. Радищев поместил отрывок из монолога Катона в главу «Бронницы» «Путешествия из Петербурга в Москву» (Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. С. 269). Полные русские переводы трагедии см.: Смерть Катона, или Рождение римского единоначалия // Иппокрена. 1801. Ч. 8. С. 90—229; Катон, трагедия / Пер с английского Алексей Колмаков. СПб., 1804.

⁵⁷ Российский Вертер. С. 84—85.

⁵⁸ Вечера: Еженедельное издание на 1772 год. СПб., 1772—1773. Ч. II. С. 196—197.

⁵⁹ См.: Walker R. G. Eighteenth-Century Arguments for Immortality and Johnson's Rasselas. Univ. of Victoria, 1977. P. 27.

⁶⁰ Miscellaneous Works, in Verse and Prose, of the Late Right Honourable Joseph Addison, Esq. London, 1753. Vol. II. P. III.

Ты праведно, Платон, о смерти рассуждаешь,
 О смертный! ты себя надеждой услаждаешь,
 В желаниях своих последуешь ты ей
 И жизни новья по смерти ждешь своей.
 Тебя объемлет страх, когда воззришь ко гробу,
 Не хочешь заключен в земную быть утробу,
 И мыслишь воспрять там ново бытие:
 Но как имеешь ты предвестие сие?
 И кто иной, как Бог, страх смерти истребляет,
 И в вечности тебе жизнь нову представляет? ⁶¹

В переводе Сушковой вопросительные предложения оригинала стали утвердительными. То, что у Аддисона ответ, у Сушковой приобрело форму вопроса; однако этот вопрос только формальный, уже содержащий в себе ответ. Тон монолога в русском переводе более уверен, более догматичен, почти не допускает сомнения в истине бессмертия души. К тому же у Аддисона ответ на предыдущие вопросы состоит в том, что надежда, желание, страх человека должны быть «предвестием, данным от Бога». У Сушковой «предвестие» не предмет вопроса; у нее вопрос о том, «как?» и «кто?» Философская аргументация оригинала теряет в переводе свою последовательность.

В соответствии с английским оригиналом, Катон не так легко убедился в истине бессмертия души, на что указывает уже первая из следующих строк:

I'm weary of conjectures — This must end'em;
 (*Laying his hand on his sword.*)
 Thus an I doubly arm'd: my death and life,
 My bane and antidote are both before me:
 This in a moment brings me to an end;
 But this informs me I shall never die.

<Пропускаем 13 строк.>

Let quilt or fear
 Disturb man's rest, Cato knows neither of 'em,
 Indifferent in his choice to sleep or die. ⁶²
 (*Берет кинжал.*)

Почто мне умножать сомнения в час сей?
 И жизнь и смерть моя теперь в руке моей:
 В ней исцеление или отравы люта.
 Из света изведет меня одна минута
 <В обработке в «Русском Вертере» пропущено 16 строк.>
 Катон твердый дух возможет страх презреть.
 И для него равно заснуть иль умереть. ⁶³

Так как в переводе Сушковой всякая оговорка убрана, упомянутые у нее «сомнения» кажутся не на месте. К тому же обстоятельства, при которых Катон произносит свои слова, в ее переводе неясно обрисованы; теряется из виду, что «жизнь» и «смерть», «исцеление»

⁶¹ Вечера. Ч. II. С. 196.

⁶² Miscellaneous Works... Vol. II. P. 112.

⁶³ Вечера. Ч. II. С. 197.

и «отрава» означают книгу Платона, доказавшую вечную жизнь человеческой души, и меч, которым Катон покончит с собой. У Сушковой, в отличие от Аддисона, Катон очутился в гамлетовском положении — он стоит перед выбором: быть или не быть. В изолированном отрывке, помещенном М. В. Сушковым в его «Российском Вертере», первоначальные обстоятельства еще больше теряются из виду. В рамках повести слова Катона связываются с высказываниями «российского Вертера» и таким образом могут приобрести совсем другое значение. Например, значение стихов: «Живот и смерть моя теперь в руках моих» — модифицировано фразой из писем российского Вертера: «... в моей воле разрушить теперь мой состав или жить далее...»⁶⁴ О книге Платона уже нет речи. Стихи: «Вот изцеление, или отрава люта» — могут выразить такое же скептическое отношение к загробной жизни, как последние стихи другого входящего в повесть стихотворения: «К тебе или к земле с отвагою иду...» Не случайно Сушков пропустил всякий намек на основную тему монолога: бессмертие души.

4

Образ Катона, введенный в повесть «Российский Вертер», изменяет образ самого ее героя. В рамках повести слова Катона — это в то же время слова «российского Вертера»; их образы сливаются. При этом «российский Вертер» присваивает важность, театральное величие Катона. Такое театральное величие присваивает себе и сам Сушков. Как тот, включая в свой текст другие тексты, расширяет и увеличивает значение всего в нем происходящего, так и этот, приравнявая свою судьбу к судьбам литературных или исторических героев, хочет увеличить значение собственных поступков.

Подобная театрализация личной судьбы у людей конца XVIII—начала XIX в. описана Ю. М. Лотманом в его статьях о «программах бытового поведения».⁶⁵ Под последним термином Ю. М. Лотман понимает формы поведения, которые более или менее сознательно моделированы по историческим и художественным образцам. Его теория основывается на наблюдении, что человек, сознающий, что он в поле зрения другого человека, делает свое поведение средством коммуникации. Поведение сверх его очевидной целенаправленности приобретает знаковый характер; оно, так сказать, представляет собой текст. Человек, сознательно или несознательно, является автором собственного поведенческого текста. Наблюдатель только может правильно читать этот текст, если разделяет с автором знаковую систему, если знает значение определенных жестов, фраз и поступков.

⁶⁴ Российский Вертер. С. 76 (письмо XXXIV, декабря 17).

⁶⁵ Лотман Ю. М. Избр. статьи. Таллин, 1992. С. 248—385. (Культура и программы поведения). См. также: Лотман Ю. М. Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Культурное наследие древней Руси: Истоки. Становление. Традиции: (Сб. в честь академика Д. С. Лихачева). М., 1976. С. 292—297.

Особенно важна при этом эстетическая функция поведения: автор украшает свою личность чужими свойствами.

Одна из программ поведения, актуальных для людей конца XVIII в., давно была известна под названием «бытового вертеризма». Казалось очевидным, что волна самоубийств в конце XVIII в. была возбуждена романом Гете, что были когда-то самоубийцы, которые реализовывали в своей жизни сюжет «Вертера». «Вертер» казался ключом к значению культа самоубийства в тогдашней европейской культуре.

Но в этот период были актуальны и другие образцы самоубийц. Это были герои старого Рима: Брут, Тразей, Сенека и, самый важный среди них, Катон Утический.⁶⁶ Жизнеописания их — и сценарий для личного поведения — находили в произведениях Плутарха и Тацита (прокомментированную обработку которых дали Роллен и Кревье в своей «Римской истории», переведенной на русский язык Третьяковским), в так называемых «галереях знаменитых самоубийц»⁶⁷ и в трагедиях. Для восприятия образа Катона особенно важна одноименная трагедия Аддисона 1713 г.

Фигура Катона представляла русским дворянам XVIII в. программу поведения, которой часто следовали. Эта программа подразумевала демонстрацию нескольких героических свойств: радикальная, стоическая мораль; мнение, независимое от общего (т. е. придворного, государственного); невозмутимость при лишениях; неустрашимость перед смертью. В среде русских состоятельных дворян, борющихся за политическое влияние, подобное поведение было связано с новыми представлениями о дворянском достоинстве.⁶⁸ Это делало актуальным образ римской республики вместе с образом главного ее героя, погибшего в борьбе с первым императором-деспотом. Актуальность и в то же время условность «катонского ампула» отмечены Д. И. Фонвизиным. В своей «Всеобщей придворной грамматике» он называет «подлыми душами шестого рода» тех, которые притворяются «Катонами», но в решительные моменты демонстрируют старое, раболопное и, по мнению Фонвизина, уже нечестное

⁶⁶ Образ Катона представлял собой программу поведения для самоубийц уже в старом Риме. Сам Катон ориентируется на самоубийство Сократа; он «цитирует» его своим чтением «Федона», в котором описана смерть философа. См.: *Griffin M. Philosophy, Cato, and Roman Suicide // Greece and Rome. V. XXXIII. № 1 (April 1986). P. 64—77; № 2 (Oct. 1986). P. 192—202.*

⁶⁷ Ср.: *Rost H. Bibliographie des Selbstmords. Augsburg, 1927.* Здесь упоминаются 4 многотомные биографии самоубийц, изданные на немецком языке в 1785—1805 гг. Самой известной из них была, кажется, *Spieß Chr. H. Biographien der Selbstmörder. Leipzig, 1786. 4. Bände.* Произведение X. Шписа было переведено на французский язык в 1798—1807 гг. и два раза на русский язык, т. е. в 1808 г. (с фр.) и в 1812 г. (с нем.). См.: *Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. СПб., 1904. Т. II. С. 229.*

⁶⁸ Ср.: *Гуковский Гр. Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронда в литературе 1750-х—1760-х годов. М.; Л., 1936. С. 47—56 (глава: Дворянская честь и воспитание дворянства).* Образцом этого поведения являлась также фигура Якова Долгорукого. Так, П. И. Панин осознавал себя новым Долгоруким и Катоном (там же. С. 55—56; 132—134).

для дворянина поведение.⁶⁹ Лишь немногие развивали «катонское амплуа» в сюжет, доводили это поведение до рокового конца.⁷⁰ Вероятно, гибель Радищева должна была восприниматься как героическая смерть в духе Катона.⁷¹

Хотя М. В. Сушков озаглавил свою повесть «Российский Вертер», мы можем сказать, что образцом его реального поведения служил не Вертер, а Катон. В письме к Михаилу Храповицкому он просит решительно не посчитать его «обезьяною Вертера, а еще менее безумным», чем он старается предотвратить истолкование своего поступка как подражание Вертеру. Образ Вертера ассоциировался с такими чертами, которые Сушков не хотел придавать собственному облику. Вертер — сентиментальный любовник, водимый страстями, иррациональные мотивы которого близки к безумию. В противоположность этому Сушков хочет представить свой поступок хорошо обдуманым шагом, итогом рациональных, бесстрастных рассуждений. Показательно, что в своих письмах он избегает всякого намека на любовную историю и чувства считает «слабостями». Шутливый тон должен был служить доказательством его равнодушия к смерти. Упомянув имя своего образца, Сушков рассчитывал, что его поступок будет истолкован именно как следование Катону.

Однако его современники не восприняли поступок Сушкова так, как сам он, кажется, того желал. Они видели в нем нарушение благопристойности, признак болезни или, как предвидел сам Сушков, дело дьявольское. Последним образом, т. е. по традиционной христианской знаковой системе, понимает и оценивает его Н. Н. Бантыш-Каменский. Он связывает самоубийство Сушкова с концом Иуды: по преданию, Иуда покончил повешением. Способ, якобы употребленный Иудой, оценивался и во времена Рима (т. е. время раннего христианства), и в XVIII в. как неблагородный. Если способ самоубийства у Сушкова должен был восприняться знаком, то факт, что он повесился, представляет собой проблему. Ведь, как Сушков пишет в одном из своих писем, он располагал пистолетами. Почему он их не употребил? Может быть, он боялся, чтобы его не поставили на одну доску с застрелившимся Вертером. Или веревка — традиционное средство самоубийства для бедных — должна была подчеркнуть его (относительную) бедность. Также возможно, что Сушков хотел уподобить свое самоубийство недавно описанному им

⁶⁹ Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 48—49.

⁷⁰ В революционной Франции обстоятельства способствовали сюжетности героического поведения; здесь часто происходили самоубийства по образцу римских героев. Героическим самоубийством покончили все руководители партии жирондистов. Знаменитое самоубийство Борепэра, коменданта осажденного роялистскими войсками города Вердена, 1 сентября 1792 г. во многом повторило историю Катона. Книгу Сенеки, открытую у похвалы о самоубийстве Катона, нашли возле трупа покончившего с собой генерала Пишегру (1804 г.).

⁷¹ Лотман Ю. М. Избр. статьи. С. 262—267. Подобный подвиг представлял себе Адам Люкс, намереваясь застрелиться на трибуне французского национального собрания, чтобы придать убедительность своей речи о преступности революционных лидеров. Подвиг не состоялся. Смерть Адама Люкса на эшафоте в 1793 г. явно спровоцирована им самим.

самим самоубийству «российского Вертера» То, что Сушков хотел уподобиться Иуде, не очень вероятно, потому что для него христианский мир представлений не был актуальным

Так, мы видели, что можем различить в русской культуре конца XVIII в два типа самоубийств 1) самоубийство, связанное с любовной историей, образцом этого типа является Вертер, и 2) рационалистичное, стоическое самоубийство главный образец этого типа — Катон

Первый тип — часто употребляемый мотив в русской художественной литературе того времени Мы находим его в повестях «Бедная Лиза» (1792) и «Сиерра Морена» (1793) Карамзина, в «Несчастном М» (1793) А И Клушина и «Аптекарьском острове» (1800) В В Попугаева, как и в повести «Инна» (1804) Г П Каменева Двойное любовное самоубийство встречается в повестях «Бедная Маша» (1801) А Е Измайлова и «Спасская лужайка» (1812) И И Лажечникова ⁷²

Ко второму типу можем отнести самоубийства Радищева, Сушкова и И М Опочинина Самоубийство, представленное в письме Завалишина, тоже последнего типа

Мы видели, что в действительности Сушков не подражал и не хотел подражать Вертеру Сушков не является русским Вертером и его повесть — не автобиографическая Отношение реального самоубийства Сушкова к самоубийству, описанному в его повести, выясняется при сравнении реального поведения Гете с поведением Вертера Издавна думали, что роман «Страдания молодого Вертера» — автобиографический, и что его герой — изображение самого автора Однако в тринадцатой книге своих воспоминаний «Поэзия и правда» Гете пишет о том времени, когда создавал «Вертера», и здесь оказывается, что причиной его навязчивой идеи о самоубийстве явилось не любовное разочарование, а восхищение образом римского императора Отона Гете восхищается именно тем, что Отон при совершении своего самоубийства (в 69 г н э) сохранил хладнокровие и самообладание до самого последнего момента Некоторое время молодой Гете пытался подражать Отону, но после нескольких половинчатых попыток с кинжалом он решил избавиться от своей навязчивой идеи художественным актом Решив написать роман о теме самоубийства, он, однако, долго не мог придумать сюжет Желаемый сюжет, так пишет Гете, дало ему самоубийство его друга Иерусалема, покончившего с собой из-за несчастной любви к замужней женщине ⁷³

В XVIII в литературная форма повести или романа требовала любовной истории Поэтому если интерес к самоубийству в реальности касался самоубийства римского, героического типа, то в рома-

⁷² «Сиерра Морена» опубликована в кн *Карамзин Н М Избр сочинения* В 2 т М, Л 1964 Т 1 С 674—679 Все остальные повести напечатаны в кн *Лан дшаф моих воображений Страницы прозы русского сентиментализма* М 1990

⁷³ *Goethe J W Samtliche Werke (Gedenkausgabe)* Zurich, 1949 Т 10 (Dichtung und Wahrheit) S 638—639

нах и повестях мотивы поступка могли представляться в искаженной форме — самоубийство по типу Вертера. Так и Сушков из-за литературных условностей не смог представить проблему самоубийства в своей повести иначе, чем с помощью романического сюжета. Из этого мы можем заключить, что «вертеризм» конца XVIII—начала XIX в. был прежде всего внутрилитературным явлением. Ряд реальных самоубийств в это время определяются типом поведения, который можем обозначить как «бытовой катонизм».